

— Как ты можешь такое говорить! — госпожа Сунь была потрясена его бесстыдством.

Глядя на всё ещё находившегося без сознания Сунь Цзяюя, Сунь Чжи испытывал лишь извращённое удовольствие, ни капли раскаяния.

Он повернулся и, не отрываясь, посмотрел на стоявшего рядом Сунь Пэйфэна. На его лице появилась странная улыбка.

— Ваш драгоценный сынок бесчисленное множество раз повторял при мне «наша семья», «мои родители». Он говорил, что от вашего состояния мне не достанется ни гроша, сколько бы я ни старался вам угодить!

— Он никогда не считал меня частью семьи! При вас он вёл себя дружелюбно, а наедине обращался со мной как с гостем, нет, как с жалким попрошайкой!

— Значит, он давно раскусил твою жадную и подлую натуру! — мрачно произнёс Сунь Пэйфэн. Цзяюй, конечно, был не так умён, как Сунь Чжи, но он был очень чувствительным ребёнком. Он не верил, что его сын мог без причины так невзлюбить двоюродного брата.

— Ну и что с того, что раскусил?! — взревел Сунь Чжи. — Разве я этого не заслужил?! Кто в этом мире будет делать что-то просто так? Даже вы предложили мне работать в компании только для того, чтобы я прокладывал дорогу вашему сыну, чтобы я стал его верным псом, виляющим хвостом!

— Твой дядя никогда так не думал! — госпожа Сунь была так возмущена, что едва сдерживалась, чтобы не разразиться бранью.

Сунь Чжи понимал, что пути назад нет, и решил выплеснуть всё, что накопилось у него на душе.

— Дядя, я тоже когда-то хотел быть с вами искренним. Но чем старше становился Сунь Цзяюй, тем очевиднее становилась разница в вашем отношении к нам. Если бы вы относились к нам одинаково, я бы никогда не пошёл на такой крайний шаг. Это моя вина? Нет, это ваша вина! Ваша! Раз уж вы считали меня частью семьи, почему Сунь Цзяюй ещё до окончания университета получил спорткар и виллу, а я — ничего? Почему в восемнадцать лет вы передали ему часть акций, а я опять остался ни с чем? Почему вы втроём ездили за границу, а я оставался сторожить этот пустой дом?

— Сунь Чжи, имей совесть! Ты сам тогда сказал, что не хочешь ехать! Разве мы тебя не уговаривали?! — госпожа Сунь в волнении подошла ближе, но, вспомнив, на что он способен, в страхе отступила.

Тот, кого они когда-то привели в дом с самыми добрыми намерениями, стал незаживающей раной для их семьи.

С горечью она подумала, что теперь они с мужем больше никогда не осмелятся привести кого-то в дом из жалости или по доброте душевной. Кто знает, не окажется ли этот человек ядовитой змеей или ненасытным псом.

— Я не ожидал, что ты всегда так думал, — с горечью на лице произнёс Сунь Пэйфэн, но хватки не ослабил. Рука, сжимавшая воротник Сунь Чжи, напряглась ещё сильнее, словно он хотел его задушить.

— Я не поехал, потому что не мог выносить вашу семейную идиллию! Вид вашей счастливой троицы вызывал у меня отвращение, тошноту и зависть, — Сунь Чжи заскрежетал зубами. — Я всегда был чужим. Чтобы стать по-настоящему своим, у вас должен был остаться только один сын, и это — я!

— Да я слеп был, когда притащил тебя в свой дом! — Сунь Пэйфэн не выдержал и ударил его. — Этот удар за меня, — прорычал он в ярости. — Этот — за твою тётю. А эти — за Цзяюя!

Очки Сунь Чжи разбились, линзы покрылись паутиной трещин, но это не вызвало ни у кого сочувствия. Сунь Пэйфэн схватил его за затылок и с силой ударил о стену. Хлынула кровь, заливая и без того затуманенный взор. Сунь Чжи тут же потерял сознание.

Сунь Пэйфэн тяжело дышал, его пальцы дрожали, но гнев в груди не утихал.

Стоило ему вспомнить, что он сам принёс волка в свой дом, как его охватывало жгучее раскаяние.

Он закрыл лицо руками. Перед глазами замелькали картины: вот они втроём, счастливая семья, до появления Сунь Чжи; вот Сунь Чжи, впервые переступивший порог их дома, — застенчивый мальчик, опустивший глаза и смотрящий на свои ботинки... Сунь Пэйфэн уже не мог понять, был ли Сунь Чжи изначально порочен и жаден, или его испортила роскошная жизнь.

Впрочем, это уже не имело значения. Перед глазами стояло лишь бледное лицо сына и его безумный взгляд, устремлённый в потолок.

Он с силой пнул Сунь Чжи в живот. Тот, лежавший на полу, перекатился и, застонав от боли, открыл глаза.

Сунь Пэйфэн вытер липкий пот со лба, перешагнул через тело племянника и подошёл к Чэнь Лину.

— Господин Чэнь, виновный должен понести наказание. Но по действующим законам Сунь Чжи, использовавшего такие методы, нельзя привлечь к ответственности. Неужели нет другого способа?

Чэнь Лин вспомнил о Ли Хунъюе и спросил У Вэйвэй:

— Тэдяобу занимается подобными делами?

— Да, я сейчас же свяжусь с Ли Хунъюем.

— До него можно дозвониться? — телефон Ли Хунъюя всё это время был выключен, и Чэнь Лин подозревал, что тот ушёл в затвор.

— Только позавчера вечером включился. Он вернул мне деньги, которые я ему перевёл. Но, Чэнь-гэ, не волнуйся, я снова их ему отправил и уговорил принять, — похвастался У Вэйвэй и, отойдя в угол, принялся звонить.

Ли Хунъюй ответил, что третья группа Тэдяобу как раз специализируется на подобных делах, но для этого нужно составить подробный отчёт о ходе преступления.

Следом пришло ещё одно сообщение: «Пришли адрес, буду через тридцать минут».

У Вэйвэй показал телефон Чэнь-гэ и, отвечая на сообщение, посмотрел на Сунь Чжи, который с трудом сел на полу.

— Он точно ничего не скажет.

— У нас есть ещё один подозреваемый, — сказал Чэнь Лин. Он достал монету У-чжу из плотницкого шнура и грозно произнёс: — Рассказывай всё, что знаешь, иначе я немедленно вызову иньчаев из Семьдесят двух ведомств, и они заберут тебя.

— Нет, нет, не надо! — в гробницах императоров, где лежала монета, ци Небесного сына отпугивала посланцев из преисподней, и они не забирали души. Поэтому он и проспал своё время перерождения.

Если его сейчас заберут, кто знает, что с ним сделают.

Монета У-чжу отчаянно запрыгала на ладони юноши.

— До встречи с Сунь Чжи я никому не причинил вреда! — оправдывалась она.

Чэнь Лин показалось, что он слышит плач, хотя это была всего лишь медная монета. Остывшая было медь в его руке снова стала холодной.

Он поморщился.

— Перестань выть, у меня уши болят. Говори тише и по порядку.

Цзян Юй не мог оторвать взгляда от юноши, увлечённо беседовавшего с монетой. Он находил этого человека всё более и более интересным.

В Чэнь Лине было столько граней: он мог быть нежным, робким, жестоким, а сейчас — по-детски сосредоточенным и терпеливым в общении с духом.

Без тени отвращения или презрения, словно... словно он говорил с человеком.

Живым человеком.

Сунь Пэйфэн и его жена тоже смотрели на это с изумлением, страхом и невероятным любопытством.

Монета прокатилась по ладони юноши, словно собираясь с мыслями.

— Я был одним из тех, кого похоронили заживо с императором. Я не помню своей жизни до этого, помню только ужас, когда меня засыпали землёй...

Монета У-чжу долгое время спала, пока недавно её не откопали археологи. Её украли и продали на антикварном рынке.

Именно тогда и появился Сунь Чжи.

Он целенаправленно искал на рынке погребальный инвентарь — вещь не просто старинную, а недавно извлечённую из земли.

Погребальные предметы, долго пролежавшие в земле, теряют свою иньскую ци, если долго находятся на открытом воздухе.

Чтобы привлечь призраков, нужна была вещь, только что покинувшая могилу. Но с ужесточением борьбы с расхитителями гробниц нелегально добытые предметы стали редкостью, а те, что попадали на рынок, — и вовсе на вес золота.

Но в тот день Сунь Чжи повезло. Обойдя всего два или три прилавка, он нашёл древнюю

медную монету.

Монета У-чжу, долго пролежавшая в земле, отлично сохранилась и была холодной на ощупь.

Обычный покупатель побрезговал бы такой вещью, но этот покупатель был явно не из их числа.

— Парень, для привлечения духов покупаешь? — вкрадчиво спросил торговец.

Сунь Чжи, поняв, что его раскусили, резко изменился в лице и хотел было уйти, но торговец остановил его.

— Парень, такие свежие вещицы редко попадают. Посмотри на эту монету У-чжу — в идеальном состоянии, ни пятнышка ржавчины. Если тебе для особых дел, лучше не найдёшь.

Сунь Чжи знал, что делает что-то противозаконное. Он с подозрением посмотрел на торговца, который явно хотел содрать с него втридорога.

— Медные монеты, отлитые при дворе, впитывают в себя удачу страны и веру простого народа в богатство, — пояснил торговец. — Если носить их на красной нити, они отгоняют злых духов. Но это касается тех монет, что были в обращении. А такие, как эта, что пролежали в земле сотни лет, впитывают в себя лишь мрак и иньскую ци от покойников. Положи её на балкон, в полночь зажги три благовония, и какой-нибудь дух непременно на неё клюнет.

Видя, что покупатель заинтересовался, торговец смело заломил цену.

Сунь Чжи до этого уже обошёл другие места, но ничего не нашёл. Эта монета была самым подходящим вариантом.

Недолго думая и не торгуясь, он заплатил втрое больше обычной цены, чтобы торговец держал язык за зубами.

В тот же вечер, в полночь, он, следуя совету торговца, выставил на балкон всё необходимое и провёл небольшой ритуал призыва духов.

Ритуал был проведён неправильно и не должен был сработать. Но монета У-чжу, поняв, что Сунь Чжи собирается использовать её во зло, решила сбежать.

С огромным трудом она добралась до перил балкона и уже собиралась спрыгнуть на газон, как чья-то рука схватила её.

Монета У-чжу, неопытный дух, только что покинувший могилу, в ужасе принялась молить о пощаде. Он ещё ничего не спросил, а она уже всё выложила.

В глазах Сунь Чжи сверкнул возбуждённый огонёк. Он поднёс к монете освящённую Фэйцуй Гуаньинь, заставляя духа выйти, а затем быстро нанизал монету и кулон на одну нить.

Дух и монета У-чжу за долгие годы стали единым целым. Если монета была раковиной, то дух — улиткой, которая её носила.

Сломай раковину — и улитка погибнет.

Сунь Чжи, ухватившись за его слабость, приказал ему вселиться в Сунь Цзяюя.

Первая попытка провалилась.

Хотя Сунь Цзяюй в то время выглядел нездоровым, словно его одолевала какая-то болезнь, он всё же был молод и полон жизненной энергии. Приблизившись, дух был обожжён его янской ци.

В тот период Сунь Чжи был очень раздражителен и постоянно мучил его вещами, которых боятся призраки.

Вспоминая об этом, тонкий голосок монеты задрожал.

— Снаружи так страшно. Знал бы, лучше бы спал дальше в земле.

— В этом мире много прекрасного. Тебе просто не повезло, сразу после пробуждения ты наткнулся на подонка, — мягко сказал Чэнь Лин.

— Угу, — тихо ответила монета и продолжила: — Я хорошо помню, в последний день июня Сунь Чжи повёз меня в какой-то заброшенный дом за городом, где, по слухам, произошло убийство. Кроме него и Сунь Цзяюя, там были ещё какие-то незнакомые мне люди. Поболтав немного, один из них предложил поиграть в игру для вызова духов — Десянь.

Неизвестно откуда, но игры вроде вызова духов с помощью ручки, блюда или палочек для еды вдруг стали популярны среди молодёжи, ищущей острых ощущений.

Происхождение этих игр было неизвестно, но в мире магии официально заявляли, что они не способны вызвать настоящих духов, а лишь привлекают блуждающих призраков.

Но некоторым было наплевать на свою жизнь, и они продолжали играть в эти игры.

Сунь Чжи и его компания были из их числа. Только им повезло — они не привлекли злого духа, а лишь подставного.

По дороге монета У-чжу была предупреждена Сунь Чжи, чтобы она действовала по его знаку.

Очередность задавать вопросы блюдцу определяли жребием. Сунь Цзяюй был последним. Его вопрос был: «Чего ты хочешь?»

Монета У-чжу незаметно двигала блюдце по газете, и Сунь Чжи, изображая страх, сложил буквы, на которые указывало блюдце, в фразу: «Я хочу одолжить у тебя кое-что».

— Цзяюй, ты испугался? — нарочно поддразнивал его Сунь Чжи. — Если да, то ничего страшного. Просто встань на колени и скажи: «Я трус», и мы сделаем вид, что этой игры не было.

Сунь Цзяюя в тот день обманом заманили туда.

Сунь Чжи, сказав, что его послал Сунь Пэйфэн, увёз его за город. Он знал, как сильно двоюродный брат его ненавидит, и заранее попросил друзей подзадорить его и удержать с помощью провокаций.

И теперь тот же метод снова сработал.

Хотя Сунь Цзяюй боялся, он помнил, что у него есть «божественный покровитель», и надеялся, что ничего плохого не случится. Сдерживая гнев, он сказал:

— Хорошо, что ты хочешь одолжить?

Блюдце замерло. Все пугающие события до этого момента казались лишь иллюзией.

Чтобы сделать спектакль более убедительным, Сунь Чжи не сказал своим друзьям, что игра с блюдцем — подстава. Поэтому, услышав ответ Сунь Цзяюя, все присутствующие вспомнили какие-то фильмы ужасов.

Что может одолжить призрак? Руки, ноги, тело, глаза, а может, и жизнь.

Они в панике хотели прекратить игру, но не решались. Их взгляды невольно обратились к организатору сеанса.

Сегодня здесь собрались только проверенные друзья, и Сунь Чжи, перестав притворяться, посмотрел на Сунь Цзяюя с загадочной холодной усмешкой.

— Цзяюй, давай закончим, а? Скоро стемнеет, и тогда отослать духа будет сложнее.

— Мне всё равно, — упрямо ответил Сунь Цзяюй, хотя в душе у него уже всё похолодело.

Ему казалось, что после того, как он сказал «хорошо», что-то проникло в его тело через спину...

На этом рассказ монеты У-чжу закончился.

— Я правда не хотел никому вредить, но Сунь Чжи держал монету, и я не мог ему сопротивляться. Да, и те странные поступки Сунь Цзяюя — это он заставлял меня делать. Мне это самому не нравилось, я выглядел как сумасшедший, совсем не элегантно, — жаловалась она.

Внезапно рассказ превратился в поток жалоб.

Повествование монеты было последовательным, но в некоторых местах звучало по-детски наивно.

— Ты помнишь, сколько тебе было лет, когда ты умер? — спросил Чэнь Лин.

— Не помню...

«Наверное, совсем ребёнком», — подумал Чэнь Лин.

Если бы это был взрослый, познавший жизнь, его душа наверняка была бы полна обиды и гнева. Он бы не проспал так долго, не в силах даже принять человеческий облик.

Он сжал ладонь, спрятав монету в карман, и повернулся к У Вэйвэю, который что-то быстро записывал на листе бумаги, прижатом к стене.

— Закончил?

— Минуту, — У Вэйвэй ускорил темп и, поставив точку, сказал: — Готово.

Чэнь Лин кивнул. Он как раз хотел попросить его поторопить Ли Хунъюя, как вдруг заговорил Сунь Пэйфэн, до этого молча слушавший рассказ монеты:

— Не сходится. Цзяюй начал ходить во сне в середине июня.

Госпожа Сунь, вытиравшая сыну лоб от киновари, тоже подняла голову.

— И сырую мышь на балконе я видела тоже в середине июня. — Но из рассказа духа следовало, что он вселился в её сына только тридцатого июня!

И до этого он упоминал, что на сыне была какая-то «болезненная аура».

— Господин Чэнь, может, этот дух врёт? — взволнованно сказал Сунь Пэйфэн. — Он точно что-то не договаривает!

Чэнь Лин снова достал монету.

Дух, очевидно, слышал разговор и, не дожидаясь вопроса, закричал:

— Это не я! Правда не я, я не врал!

Чэнь Лин вытащил из-за пазухи печать Хуаншэнь Юэчжаньинь, явно угрожая.

Монета задрожала и издала жужжащий звук.

— Это буддийский алтарь, это он! Он очень сильный, я всегда его обходил стороной.

Сунь Пэйфэн и правда говорил, что Сунь Цзяюй, после того как стал одержим, перестал лично возжигать благовония у алтаря.

Чэнь Лин тогда подумал, что это из-за страха перед божеством.

Но теперь казалось, что в этом деле замешан кто-то ещё.

— Говори честно, — сказал Чэнь Лин, покачивая монетой в воздухе, — что из всего этого сделал ты?

Монета У-чжу затараторила, подробно описывая каждое своё действие. Видимо, не желая брать на себя чужую вину, она проявила поразительную память.

Выслушав его, Чэнь Лин серьёзно повторил:

— То есть, лунализм и поедание мышей — это не твоих рук дело?

— Конечно! Я бы никогда не стал делать ничего такого кровавого, — с ноткой гордости в голосе ответила монета. С момента своего пробуждения она не пролила ни капли крови, даже животной.

— Господин Сунь, где вы взяли эту статуэтку Будды? — спросил Чэнь Лин.

— В «Хэнсинчжае» на улице Цинфэн, — ответил тот. Он побледнел и с ужасом добавил: — Неужели и эта статуэтка — погребальный инвентарь?! Но после того, как мы её принесли, здоровье Цзяюя действительно улучшилось, и дела у меня пошли в гору... Если она хотела нам навредить, почему не сделала этого в первые двадцать лет?

Действительно, нелогично.

Чэнь Лин нахмурился, не находя объяснения.

— Будь то мстительный дух или злой, они рождаются из ненависти или земного зла, — раздался сзади голос Цзян Юя. — Те, что по своей воле питаются сырой плотью, в большинстве своём относятся к сущностям.

— Потому что они не могут изменить свою природу, — одного намёка было достаточно, чтобы Чэнь Лин всё понял.

Он повернулся к остальным.

— Всем немедленно вниз! Если эта тварь услышит наш разговор, она сбежит.

Попугай, дремавший на вешалке, услышав это, тут же перелетел на плечо Чэнь Лина и, покачиваясь в такт его шагам, сжав когти, принялся лениво чистить клювом свои красивые перья.

Как только они спустились с лестницы, из угла гостиной, где стоял буддийский алтарь, донёлся оглушительный грохот. Попугай вытянул шею, склонил голову набок и закричал:

— Держи его! Держи!

Маленькая жёлтая тень молниеносно метнулась из угла гостиной к выходу.